

Научная статья

УДК 342

doi:10.21685/2307-9525-2021-9-4-10

СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОГО ОБОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ С НИЗКОЙ ПЛОТНОСТЬЮ НАСЕЛЕНИЯ

Александр Николаевич Дементьев

Курский государственный университет, Курск, Россия

dahalex@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследования предопределяется комплексом проблем, связанных с теоретическим обоснованием направлений пространственного развития Российской Федерации и практической реализацией Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. С учетом актуальности целью исследования является обоснование возможных способов разрешения некоторых проблем сбалансированного пространственного развития Российской Федерации. *Материалы и методы.* Основными исходными правовыми документами, которые были подвергнуты сравнительному экономико-правовому анализу, являются Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. и план реализации Стратегии. Использование междисциплинарного метода исследования позволило обосновать результаты и выводы, базирующиеся на научных изысканиях в экономике, экономической географии, в теории и истории права, в конституционном праве. *Результаты.* Представлены результаты анализа некоторых положений Стратегии пространственного развития Российской Федерации. Приведено обоснование необходимости проведения экономико-правовой оценки целесообразности ликвидации сельских населенных пунктов, целесообразности реализации проектов «экономической самодостаточности» и теории «сжатия городских пространств». Обоснован вывод о недопустимости следования принципам территориальной организации, агломерационным идеям и практике территориальной организации западноевропейских стран и густонаселенных североамериканских территорий в регулировании пространственного развития Российской Федерации. *Выводы.* Подчиненность Стратегии и плана реализации Стратегии «агломерационной» идеологии не оставляет места для подготовки законодательных актов федерального уровня, которые позволили бы создать хотя бы минимальные условия для реализации декларируемого в Стратегии направления социального обустройства территорий с низкой плотностью населения с недостаточным собственным потенциалом экономического роста и др. Полученные в исследовании результаты и выводы свидетельствуют о необходимости проведения развернутых теоретических и практических междисциплинарных разработок с целью обоснования значимости развития населенных пунктов, расположенных на территориях с низкой плотностью населения.

Ключевые слова: стратегия пространственного развития, сельские территории, населенные пункты, административный центр, агломерация, экономико-правовые оценки

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00791.

Для цитирования: Дементьев А. Н. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: проблемы экономико-правового обоснования развития территорий с низкой плотностью населения // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. Т. 9, № 4. С. 81–89. doi:10.21685/2307-9525-2021-9-4-10

Original article

SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF ECONOMIC AND LEGAL JUSTIFICATION FOR THE DEVELOPMENT OF SPARSELY POPULATED TERRITORIES

Aleksander N. Dementyev

Kursk State University, Kursk, Russia

dahalex@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the study is predetermined by a set of problems related to the theoretical justification of the focus areas of spatial development in the Russian Federation and to the practical problems of implementing the Spatial Development Strategy of the Russian Federation up to 2025. With the view to the relevance, the study aims at justifying possible ways to solve some problems of balanced spatial development in the Russian Federation. *Materials and methods.* The main source legal documents that have been subjected to comparative economic and legal analysis are the Spatial Development Strategy of the Russian Federation up to 2025 and the Strategy Implementation Plan. The use of interdisciplinary research method makes it possible to substantiate the results and conclusions based on research in economics, economic geography, law studies, law history and constitutional law. *Results.* The results of analysis of some provisions of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation are presented. The necessity of economic and legal assessment of expediency in liquidating rural settlements, expediency in implementing projects of "economic self-sufficiency" and theory of "compression of urban spaces" is substantiated. The conclusion is based on the unacceptability of following the territorial organization principles, agglomeration ideas and territorial organization practice in Western Europe and densely populated North America to regulate the spatial development in the Russian Federation. *Conclusions.* The dependence of the Strategy and the Implementation Plan on "agglomeration" ideology leaves no room for preparing legislative acts at the federal level, which would create at least minimal conditions for attaining the focus areas declared in the Strategy of social development of sparsely populated territories with insufficient potential for economic growth, etc. The results and conclusions obtained indicate the need for extensive theoretical and practical interdisciplinary insights in order to substantiate the importance of developing settlements located in sparsely populated territories.

Keywords: spatial development strategy, rural areas, settlements, administrative center, agglomeration, economic and legal assessments

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR, project No. 20-011-00791.

For citation: Dementyev A.N. Spatial Development Strategy of the Russian Federation: Problems of Economic and Legal Justification for the Development of Sparsely Populated Territories. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2021;9(4):81–89. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2021-9-4-10

Актуальность и цели исследования

Актуальность исследования предопределяется комплексом проблем, связанных с теоретическим обоснованием направлений пространственного развития Российской Федерации [1, с. 139–140, 183, 346–360; 2] и практической реализацией Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (далее – Стратегия)¹. В Стратегии констатируется, что общемировыми тенденциями пространственного развития в начале XXI в. являются концентрация населения и экономики в крупнейших формах расселения, среди которых ведущие позиции занимают городские агломерации. Как показывает анализ, именно в этом контексте в разделах «Основные тенденции пространственного развития Российской Федерации» и «Основные проблемы пространственного развития Российской Федерации» приводятся главным образом качественные экономические оценки современных тенденций (как негативных, так и позитивных) пространственного развития Российской Федерации.

В разделе Стратегии «Основные направления пространственного развития Российской Федерации» наряду с заявлениями о необходимости развития крупных и крупнейших агломераций, минерально-сырьевых центров, перспективных центров экономического роста на базе крупных и средних городов, главным образом административных центров субъектов Российской Федерации, декларируются также меры социально-экономического развития городов и сельских территорий,

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации № 207-р от 13 февраля 2019 г. // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 26.09.2021).

опережающего развития территорий с низкой плотностью населения и прогнозируемым наращиванием экономического потенциала, социального обустройства территорий с низкой плотностью населения с недостаточным собственным потенциалом экономического роста и др. Сравнение положений Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.¹ и плана ее реализации (далее – план реализации Стратегии) показывает, что, не смотря на декларации о необходимости развития территорий с низкой плотностью населения, а не только агломераций, крупных и средних городов, план реализации Стратегии главным образом предусматривает развитие агломераций, крупных городов, территорий с высокой плотностью населения, перспективных центров экономического роста. Такая фактическая оценка перспектив пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (хорошо, что пока только до 2025 г.!) базируется в основном на позитивных экономических оценках развития агломераций в Западной Европе, США и других странах. Подобные оценки содержатся во многих публикациях представителей экономической науки [3, 4]. Следует отметить, что наряду с преобладающей тенденцией существуют и критические экономические оценки развития городских агломераций [5].

С учетом актуальности тематики пространственного развития Российской Федерации в настоящем исследовании была поставлена цель обоснования некоторых возможных способов разрешения одной из многих проблем, необходимость которого лишь декларируется в Стратегии, – сбалансированного пространственного развития Российской Федерации.

Материалы и методы

Основными исходными правовыми документами, которые были подвергнуты сравнительному экономико-правовому анализу, являются Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. и план реализации Стратегии. Использование междисциплинарного метода исследования позволило обосновать результаты и выводы, построенные на научных изысканиях в экономике, экономической географии, в теории и истории права, в конституционном праве.

Результаты

В последнее время в экономических исследованиях наметились попытки теоретического обоснования территориального развития не только субъектов Российской Федерации и муниципальных единиц, но и населенных пунктов как городского, так и сельского типа (по принятой в настоящее время классификации) на основе теории «экономической самодостаточности» и теории «сжатия городских пространств». Предлагаются программы по «управляемому сжатию»² [6]. В большинстве случаев необходимость осуществления таких программ опирается на декларации об их экономической эффективности. Однако конкретных экономических оценок в таких публикациях не приводится. Чтобы делать выводы о реализации программ «управляемого сжатия» населенных пунктов («неэффективных деревень»), необходимо иметь результаты анализа оценки социально-экономической ценности освоенных территорий, ликвидируемых («утрачиваемых») населенных пунктов. Уровень современных технологий обработки больших данных дает возможность формировать характеристики любого населенного пункта в Российской Федерации, что позволяет в свою очередь проводить оценку тенденций их развития. Такая оценка необходима как для социальных, так и для экономических целей, целей прогнозирования, учета демографических изменений в стратегии пространственного развития Российской Федерации. Для решения подобных задач необходимы юридические характеристики статуса населенных пунктов, разработанные

¹ Об утверждении плана реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации № 3227-р от 27 декабря 2019 г. // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342452/ (дата обращения: 26.09.2021).

² Приемская Е. «Люди голосуют ногами»: что делать с территориями, которые покидают жители // МИЦ «Известия» : сайт. URL: <https://iz.ru/901902/evgeniia-priemskaja/liudi-golosuiut-nogami-chto-delat-s-territoriiami-kotorye-pokidaiut-zhiteli> (дата обращения: 28.09.2021).

на основе междисциплинарных исследований (география, экономика, архитектурно-градостроительные науки, теория районной планировки и пр.).

Планы по стратегическому развитию территории России не могут не опираться на оценку социально-экономической ценности как освоенных территорий, так и ликвидируемых («утрачиваемых») населенных пунктов. Теоретические исследования, обоснование и становление направления в географической и экономической науках, относящегося к проблемам оценки социально-экономической ценности освоенных территорий, получили развитие преимущественно в советский период. Не в последнюю очередь актуальность и практическая ценность теоретических результатов исследований того времени были связаны с масштабными государственными проектами освоения огромных пространств Сибири и Дальнего Востока [7, 8].

В настоящее время термин «освоенность» используется в связи с исследованиями проблематики «сжатия» социально-экономического пространства. Оно трактуется географами в двух смыслах: во-первых, как рост проницаемости, связности и доступности пространства; во-вторых, как сокращение обжитых, экономически освоенных земель. В большинстве научных публикаций выявляются и исследуются общие направления и тенденции сокращения обжитых, экономически освоенных территорий в Российской Федерации, главным образом на Севере и в центре Европейской части России, на северных территориях Сибири и Дальнего Востока. Исследования затрагивают сжатие пространства как ранее освоенных городов, так и сельской местности.

Как представляется, актуальными для нашей страны являются выводы географов относительно уникальных особенностей расселения в нашей стране, которые не могут не учитываться в Стратегии. Об этом убедительно пишет профессор А. И. Трейвиш: «Если в компактных плотно заселенных и освоенных странах эти процессы ведут к срастанию и перекрытию агломерационных зон, то обширные социально разреженные национальные пространства по завершении демографического перехода избыточны большими межагломерационными "окнами" глубокой периферии (глубинки)» [9, с. 12–24]. Очевидно, что этот тезис следует рассматривать как предостережение проведения в России «модного» сжатия социально-экономического пространства, так как в плотно заселенных странах (Западная Европа, восточная часть США) сжатие этого пространства не ведет к потере освоенности территории (транспорт, социальные объекты), а в условиях России с ее обширными территориями грозит полной потерей ее освоенности. Такая потеря освоенности не только влечет весьма негативные последствия для территории и населения, которое в свое время обживало эту территорию, но и утрату культурных объектов, забвение исторических традиций. В дальнейшем возможные возвратные волны освоения брошенных ныне на деградацию районов старого освоения, о чем, как указывает профессор А. И. Трейвиш [9], предупреждали все эволюционные теории расселения, потребуют значительно больших затрат, чем поддержание этих районов в обжитом состоянии в настоящее время.

В последнее время географами и экономистами, главным образом в связи с принятыми государственными программами, в которых «северные территории», в том числе и деградирующие, отнесены к приоритетным территориям развития, проводятся исследования социально-экономического обоснования развития таких территорий [10, 11]. К сожалению, указанные работы не затрагивают вопросов экономической оценки уровня освоенности отдельных населенных пунктов и связанных с этими населенными пунктами территорий, преимущественно сельскохозяйственного и лесопромышленного назначения.

Некоторые общеметодологические направления возможностей такой оценки содержатся в публикациях Т. Г. Нефедовой, С. А. Тархова [12, с. 128–144; 13] и др. Т. Г. Нефедова выделяет несколько основных факторов, способствующих «сжатию» и ликвидации населенных пунктов в сельской местности в Центральной России, – плотность автодорог, влияние городов, отмечая наличие «внутренней "бездорожной" периферии... даже на небольшом расстоянии от центра региона

(50–100 км)». По ее мнению, несмотря на то, что «в современных условиях дорожная труднодоступность частично компенсируется за счет средств связи, особенно с помощью сотовых телефонов, компьютеров, охват ими территории тоже выборочный. При этом отсутствие дорог, закрытие магазинов, малокомплектных школ усиливает деградацию нежизнеспособных поселений в глубинке и создает новые стимулы для оттока населения. А он, в свою очередь, не стимулирует власти решать проблемы обустройства пустеющих территорий» [12, с. 132–133]. Выделяется и «встречное сжатие расширение освоенного пространства... Самый распространенный его вид – дачная "реконкиста", в основном москвичами и петербуржцами, удаленных полузаброшенных деревень. В настоящее время это один из самых перспективных путей хотя бы очагового сохранения староосвоенных сельских территорий, притом, как правило, стихийный, протекающий в режиме самоорганизации и не поддерживаемый ни местными, ни федеральными властями» [12, с. 143].

Одним из основных материальных элементов, которые должны быть подвергнуты экономической оценке в связи с утратой освоенности территорий за счет ликвидации населенных пунктов, является утрата локальной сети дорог, пусть и не имеющих твердого покрытия [14]. С. А. Тархов указывает на главный недостаток качественных и количественных оценок транспортной освоенности территорий: «Главным недостатком последних лет является использование в расчетных формулах всей площади территории вместо освоенной, поскольку площади освоенной территории никем не рассчитываются» [13, с. 4].

Ценность дорожной сети и масштабы прямых материальных убытков в результате ее утраты иллюстрируют следующие тезисы. В постсоветское время в условиях системного кризиса после развала СССР в 1991 г. только в Московской области заброшенными оказались тысячи гектаров территорий, на которых прежде велись торфоразработки. Их инженерная инфраструктура была полностью разрушена, подъездные дороги разбиты или затоплены [15]. Эта ситуация резко усилила зависимость устойчивости всех территорий Центра России, где распространены торфяники, от резких погодно-климатических колебаний, прежде всего от длительных периодов господства летом сухой и жаркой погоды. Результаты не заставили себя долго ждать. Уже в весенне-летний период 1992 г. на территории Московской области возникло около 1200 очагов лесоторфяных пожаров на общей площади 2300 га, огнем было уничтожено свыше 1200 га леса. В задымленных зонах находились десятки городов и населенных пунктов [16, с. 146]. Подобные примеры характерны для всего постсоветского периода, включая 2021 г. В равной степени масштаб материального ущерба за счет утраты дорожной сети и населенных пунктов, особенно в периферийных зонах районов субъектов Российской Федерации, может быть распространен практически на все лесные территории страны.

Обстоятельный анализ масштабов и причин лесных пожаров лета 2010 г. был сделан Т. Г. Нефедовой [17, с. 338–343]. Отметим, что подобная ситуация повторилась в 2019 и в 2021 гг. Одной из причин, по мнению Т. Г. Нефедовой, обоснованному в монографии, является человеческий фактор: сокращение с 70–80 тыс. обходчиков-лесников и 100 тыс. других работников лесного хозяйства до 12 тыс. человек, выполняющих надзорные функции. Подобные выводы прозвучали из уст Министра природных ресурсов и экологии России Д. Н. Кобылкина лишь летом 2019 г.: «...если в Советском Союзе было 85 тысяч лесных инспекторов, то на сегодняшний день их около 20 тысяч. ... Я считаю, что нам нужно приблизительно возвращаться к системе Советского Союза, она была правильная, было большое количество лесничеств. Пока хозяина в лесу не будет, у нас постоянно будут возникать проблемы с черными лесорубами, поджогами, неконтролируемыми лесами. Это огромные территории, есть места, где вообще нет населенных пунктов...»¹. Административные центры муниципальных единиц поселенческого типа, несмотря

¹ Глава Минприроды рассказал, как защитить леса от пожаров // МИА «Россия сегодня» : сайт. URL: https://ria.ru/20190810/1557379757.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 28.09.2021).

на многократное сокращение численности населения в населенных пунктах, могут и должны не только выполнять роль управленческих центров публичной власти на местном уровне, но и служить местной базой для эффективной организации выполнения федеральных и региональных функций. В обоснование этого вывода можно было бы приводить и другие не менее убедительные примеры.

Ограничимся лишь одним прагматичным экономическим примером. Исходя только из прямого ежегодного финансового ущерба, причиняемого лесными пожарами [18], оценив возможности использования только 10 % этих средств для формирования среднего объема бюджета муниципальной единицы базового первичного уровня, в который включаются и расходы на содержание муниципальных служащих, можно отметить, что в субъектах Российской Федерации могли бы действовать 100 сельских поселений. Оценка экономического ущерба только за счет потери леса в 2010 г. составляла 300 млрд руб. Невосполнимые социальные потери (гибель жилья, скота, нажитого имущества, целых населенных пунктов и т.д.), и прежде всего гибель людей, не могут быть оценены в экономических показателях. Несмотря на то, что площади и число лесных пожаров в другие годы в сравнении с катастрофическими пожарами 2002 и 2010 гг. были менее значительны, однако их тушение требовало и требует привлечения значительных средств из региональных бюджетов [19].

Вторым материальным элементом является, несомненно, катастрофическое снижение площадей обрабатываемых сельскохозяйственных угодий. В Костромской области обрабатываемые земли сжались за 20 лет с 2295 до 180 га, т.е. до очень небольших очагов [12, с. 140–141]. В Лихославльском районе (центральная часть Тверской области), по данным «Заключительного отчета о сборе урожая 2008 года», сельскохозяйственными предприятиями использовалось всего лишь 6851 га пашни из 42 890 га, закрепленных за юридическими лицами и гражданами в категории земель сельскохозяйственного назначения [20, с. 247–257]. Обратим внимание, что сельскохозяйственные угодья не только необходимы для обеспечения, как минимум, продовольственной безопасности страны, но и, по данным ученых, являются не меньшим поглотителем углекислого газа, чем леса, т.е. являются не менее важным механизмом в борьбе с углеродным следом в планетарном масштабе.

Третьим материальным элементом являются утрачиваемые инфраструктурные объекты. В небольших населенных пунктах сельской местности это прежде всего электрические сети. В более крупных населенных пунктах это могут быть и иные объекты. Напомним, что в 2010 г. самолет ТУ-154 компании «Алроса» совершил аварийную посадку на выведенной из эксплуатации взлетно-посадочной полосе у поселка Ижма в Республике Коми. По мнению экспертов, удачная посадка, в результате которой были спасены жизни 81 человека, во многом стала возможна потому, что взлетно-посадочная полоса поддерживалась в удовлетворительном состоянии начальником вертолетной площадки, который на протяжении 12 лет по своей инициативе добросовестно следил, чтобы на полосе не было мусора, посторонних объектов и не рос кустарник. Этот пример показывает, что большая часть возможных негативных последствий как стихийной, так и планомерной ликвидации населенных пунктов, особенно в сельской местности, не может быть оценена только в экономических параметрах (затраты-доходы).

Выводы

В заключение возвратимся вновь к положениям Стратегии пространственного развития Российской Федерации и к положениям утвержденного в конце 2019 г. плана реализации Стратегии. К сожалению, подчиненность документов, особенно плана реализации Стратегии, «агломерационной» идеологии не оставляет места для подготовки законодательных актов федерального уровня, которые позволили бы создать хотя бы минимальные условия для реализации декларируемого в Стратегии направления социального обустройства территорий с низкой плотностью населения с недостаточным собственным потенциалом экономического роста и др. Для этих территорий не нашлось места практически ни в одном из ста пунктов мероприятий плана реализации Стратегии. Представляется, что результаты, полученные в настоящем исследовании, свидетельствуют о необходимости

проведения развернутых теоретических и практических междисциплинарных разработок с целью обоснования значимости развития населенных пунктов, расположенных на территориях с низкой плотностью населения, для комплексной реализации положений Стратегии пространственного развития Российской Федерации.

Список литературы

1. Вардомский Л. Б., Глезер О. Б., Гончаров Р. В. [и др.]. Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке : монография / ред. В. М. Котляков, А. Н. Швецов, О. Б. Глезер. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2020. 365 с.
2. Лексин В. Н. Стратегия пространственного развития страны: дискуссия о приоритетах // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник. Вып.13. М. : ИНИОН РАН, 2018. С. 114–118.
3. Зубаревич Н. В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5–19.
4. Зубаревич Н. В. Развитие и конкуренция крупнейших городов России в периоды экономического роста и кризиса // Региональные исследования. 2010. № 1 (27). С. 45–54.
5. Мельникова Л. В. Размеры городов, эффективность и экономический рост // ЭКО. 2017. № 7 (517). С. 5–19.
6. Чернышев К. А. Трансформация территориальной организации населения депрессивного региона : монография. Киров : ВятГУ, 2016. 204 с.
7. Космачев К. П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1974. 144 с.
8. Никульников Ю. С., Мосунов В. П., Сысоев А. А. Территориальные структуры районов нового освоения. Новосибирск : Наука: Сиб. отд-ние, 1990. 153 с.
9. Трейвиш А. И. Староосвоенные районы 30 лет спустя в условиях постиндустриального сжатия пространства // Староосвоенные районы: генезис, исторические судьбы, современные тренды развития : сб. тр. XXXV ежегодной сессии экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС) (Тверь, 8–12 июня 2018 г.) / отв. ред. В. Н. Стрелецкий. М. : ИП Матушкина И. И., 2019. С. 12–24.
10. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 5–27.
11. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 57–76.
12. Нефедова Т. Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования : сб. тр. XXVII ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС (Мышкин, 3–7 июня 2010 г.) / под ред. С. С. Артоболевского и Л. М. Синцера. М. : Эслан, 2010. 128–144 с.
13. Тархов С. А. Транспортная освоенность территории // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2018. № 2. С. 3–9.
14. Полухина М. Г. Экономическая оценка развития дорожно-транспортной инфраструктуры сельской местности // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16, № 1 (448). С. 184–196.
15. Маршев С. В. Обводнение территории торфяных болот в Московской области // Территория и планирование. 2011. № 4 (34). С. 44–53.
16. Савченко А. Б., Бородин Т. Л. Торфяники Подмосковья: трансформация хозяйственной деятельности и качество жизни населения // Староосвоенные районы: генезис, исторические судьбы, современные тренды развития : сб. тр. XXXV ежегодной сессии экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС) (Тверь, 8–12 июня 2018 г.) / отв. ред. В. Н. Стрелецкий. М. : ИП Матушкина И. И., 2019. С. 141–158.
17. Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа : монография. М. : URSS-ЛЕНАНД, 2013. 452 с.
18. Рязанцев С. В. Возвращаясь к итогам горячего лета – 2010. Демографические и социально-экономические последствия экстремальной жары // Экология и жизнь. 2011. № 5. С. 78–85.
19. Брюханов А. «Лесопожарный ликбез»: 12 ошибочных мнений о природных пожарах // Устойчивое лесопользование. 2011. № 3 (28). С. 11–21.
20. Некрасова Л. А. Эколого-геоморфологические исследования трансформации системы сельского расселения и землепользования Тверской области // Геоморфологические системы: свойства, иерархия, организованность. М. : Медиа-Пресс, 2010. С. 247–257.

References

1. Vardomskiy L.B., Glezer O.B., Goncharov R.V. [et al.]. *Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiya Rossii v XXI veke: monografiya = Challenges and Policy of Spatial Development in Russia in the 21st Century: Monograph*. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2020:365. (In Russ.)
2. Leksin V.N. Spatial Development Strategy in the State: Overview of Priorities. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: ezhegodnik. Vyp.13. = Russia: Trends and Development Prospects: Annual Book. Issue 13*. Moscow: INION RAN, 2018:114–118. (In Russ.)
3. Zubarevich N.V. Cities as Centers for Modernizing Economy and Human Capital. *Obshchestvennye nauki i sovremennost = Social Sciences and Modernity*. 2010;(5):5–19. (In Russ.)
4. Zubarevich N.V. Development and Competition of the Largest Russian Cities in Times of Economic Growth and Crisis. *Regionalnye issledovaniya = Region studies*. 2010;(1):45–54. (In Russ.)
5. Melnikova L.V. Sizes of Cities, Efficiency and Economic Growth. *EKO = ECO*. 2017;(7):5–19. (In Russ.)
6. Chernyshev K.A. *Transformatsiya territorialnoy orqanizatsii naseleniya depressivnogo regiona: monografiya = Transforming Territorial Organization of the Population in Depressive Region: Monograph*. Kirov: VyatGU, 2016:204. (In Russ.)
7. Kosmachev K.P. *Pionernoe osvoenie taugi (ekonomiko-geograficheskie problemy) = Pioneer Development of the Taiga (Economic and Geographical Problems)*. Novosibirsk: Nauka: Sib. otd-nie, 1974:144. (In Russ.)
8. Nikulnikov Yu.S., Mosunov V.P., Sysoev A.A. *Territorialnye struktury rayonov novogo osvoeniya = Territorial Structures of Newly Explored Regions*. Novosibirsk: Nauka: Sib. otd-nie, 1990:153.
9. Treyvish A.I. Straro-Developed Regions 30 Years Later in the Context of Post-Industrial Compression of Space. *Starosvoennye rayony: genezis, istoricheskie sudby, sovremennye trendy razvitiya: sb. tr. XXXV ezhegodnoy sessii ekonomiko-geograficheskoy seksii Mezhdunarodnoy akademii regionalnogo razvitiya i sotrudnichestva (MARS) (Tver, 8–12 iyunya 2018 g.) = Old-Developed Regions: Genesis, Historical Destinies, Modern Development Trends: Proceedings of the 35th Annual Session on Economy and Geography of the International Academy of Regional Development and Cooperation (Tver, June 8-12, 2018)*. Moscow: IP Matushkina I. I., 2019:12–24. (In Russ.)
10. Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. New Theory of Developing the Arctic and the North: Multi-Scale Interdisciplinary Synthesis. *Arktika i Sever = The Arctic and the North*. 2018;(31):5–27. (In Russ.)
11. Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. Development of the North 2.0: Challenges in Forming a New Theory. *Arktika i Sever = The Arctic and the North*. 2019;(34):57–76. (In Russ.)
12. Nefedova T.G. Compression of the Extra-Urban Developed Space in Russia as a Reality. *Szhatie sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regionalnogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya: sb. tr. KhKhVII ezhegodnoy sessii ekonomiko-geograficheskoy seksii MARS (Myshkin, 3–7 iyunya 2010 g.) = Compression of the Social and Economic Space: New in Regional Development Theory and Its State Regulation Practice: Proceedings of the 27th Annual Session on Economy and Geography of the International Academy of Regional Development and Cooperation (Myshkin, June 3-7, 2010)*. Moscow: Eslan, 2010:128–144.
13. Tarkhov S.A. Transport Development of the Territory. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya = Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography*. 2018;(2):3–9. (In Russ.)
14. Polukhina M.G. Economic Assessment of Road Transport Infrastructure Development in Rural Areas. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economy: Theory and Practice*. 2018;16(1):184–196. (In Russ.)
15. Marshev S.V. Watering the Territory of Peat Bogs in the Moscow Region. *Territoriya i planirovanie = Territory and Planning*. 2011;(4):44–53.
16. Savchenko A.B., Borodina T.L. Peat Bogs in the Moscow Region: Transformation of Economic Activity and Quality of Life of the Population. *Starosvoennye rayony: genezis, istoricheskie sudby, sovremennye trendy razvitiya: sb. tr. XXXV ezhegodnoy sessii ekonomiko-geograficheskoy seksii Mezhdunarodnoy akademii regionalnogo razvitiya i sotrudnichestva (MARS) (Tver, 8–12 iyunya 2018 g.) = Old-Developed Regions: Genesis, Historical Destinies, Modern Development Trends: Proceedings of the 35th Annual Session on Economy and Geography of the International Academy of Regional Development and Cooperation (Tver, June 8-12, 2018)*. Moscow: IP Matushkina I. I., 2019:141–158. (In Russ.)
17. Nefedova T.G. *Desyat aktualnykh voprosov o selskoy Rossii. Otvetny geografa: monografiya = Ten Topical Issues of Rural Russia. Geographer Answers: Monograph*. Moscow: URSS-LENAND, 2013:452. (In Russ.)

18. Ryazantsev S.V. Back to the Results of 2010 Hot Summer. Demographic, Social and Economic Consequences of Extreme Heat. *Ekologiya i zhizn = Ecology and Life*. 2011;(5):78–85. (In Russ.)

19. Bryukhanov A. "Forest fire education": 12 Erroneous Opinions about Natural Fires. *Ustoychivoe lesopolzovanie = Sustainable Forest Management*. 2011;(3):11–21. (In Russ.)

20. Nekrasova L.A. Ecological and Geomorphological Studies of Transforming the System of Rural Settlement and Land Use in the Tver Region. *Geomorfologicheskie sistemy: svoystva, ierarkhiya, organizovannost = Geomorphological Systems: Properties, Hierarchy, Organization*. Moscow: Media-Press, 2010:247–257. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

А. Н. Дементьев – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, Курский государственный университет, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 29.

A.N. Dementyev – Doctor of Law, Professor of the Sub-department of Civil Law and Process, Kursk State University, 29 Radishcheva street, Kursk, 305000.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares that no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 26.10.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 11.11.2021

Принята к публикации / Accepted 29.11.2021